

Л.В. Матвеева

СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРУДАХ В.И. ГРИГОРОВИЧА

(продолжение)

В.И. ГРИГОРОВИЧ был многогранным ученым. Многогранность его исследований отличалась тем, что ученый шел неизведанными тропами, выводящими зачастую к новым глубинным изысканиям в области славяноведения. Ученый очень хорошо сознавал, что познать славяноведение как науку невозможно, замкнувшись в узкие рамки одной темы. Требовательность к себе, углубленный самоанализ, которому время от времени подвергал себя Виктор Иванович, постоянно приводили его к мысли о необходимости более широкого овладения законами истории, поисков надежной путеводной нити, чтобы связать воедино все многообразие фактических данных, которые накапливались годами.

Открытые во время путешествий в Вене «Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия» привели ученого к выводу, что византийские источники истории славян совсем еще не исчерпаны. «При обилии документов для истории образованных народов, – писал Григорович, – нельзя не удивляться скудости их по отношению к Византии»¹.

Ученый призывал приложить усилия к поискам новых византийских источников во имя обогащения отечественной истории: «Нам, русским, пришла... очередь показать в этом деле ревность, достойную той, которую уже доказали образованные народы, сберегшие письменные памятники отдаленнейшей древности»².

Григорович упоминал монастыри, где хранились различные грамоты, европейские библиотеки. Возвратившись из путешествия

в Казань, Виктор Иванович, на основании глубокого изучения привезенных им греческих памятников, продолжил исследование истории Византии, что стало отправной точкой для нового направления в его работах: речь шла о совместном изучении Византии и православного Юга. По сути, это

стало главным требованием научного изучения местной истории. В центре внимания на пути исследования Григоровичем славяноведения в связи с византийскими источниками оказалась важнейшая проблема славяно-византийских отношений, на которую он впервые указал отечественным ученым.

Открывая все новые византийские источники по истории Византии и южных славян, Виктор Иванович стремился поставить заданную проблему на научную основу.

С давних времен существовали различные концепции в оцен-

ке полиэтничной, многолюдной, многоязыковой Византийской империи и ее влияния на южных и восточных славян, а о славяно-византийских отношениях начали писать и говорить лишь после трудов В. Григоровича. Именно он в 40-х годах XIX века положил начало изучению славяно-византийских отношений, разделив всю проблему по отдельным направлениям. Прежде всего, ученый стремится выяснить отношения южных славян и Византии в период турецких завоеваний.

И во времена Григоровича (40-е–70-е годы XIX в.), и впоследствии византизм рассматривался как односторонний процесс влияния Византийской империи и культуры на славянство. Обратное влияние

Виктор Иванович
ГРИГОРОВИЧ

славян не рассматривалось, поэтому-то появилась мысль «об этнической тождественности носителей византийской культуры и греческой народности»³.

Наиболее талантливой работой В. Григоровича, где впервые освещаются славяно-византийские отношения, является его речь, произнесенная в 1858 году в Казанском университете, – «О Сербии и ее отношениях к северным державам, преимущественно в XIV и XV столетиях». Ф.И. Успенский назвал эту речь «блещущей искорками таланта и высокого научного достоинства»⁴. В работе впервые ставится вопрос о значении «византийских занятий для успехов славистики». Ф. Успенский подчеркивал: «Этот вопрос был тогда почти совершенно чужд его товарищам по профессии, которые стали ценить его лишь по тому, что им увлекался Григорович, показав в нем огромный запас знаний и смелости соображений», тем самым произнесено было новое слово, а впоследствии определилось целое направление с широкими научными перспективами – изучение истории Византии в ее связи со славянами. Успенский эту связь выразил определенной формулой: изучение славянства в Византии и византизма в славянстве. «Григорович был так близок к выражению этой формулы, – писал Ф. Успенский, – что его смело можно назвать первым в России византинистом»⁵.

В указанной речи Григорович рассматривает вопросы, связанные со славянской историей конца XIV – начала XV века, стремится разгадать причины падения Сербии в пору, когда османские турки утвердились на Балканах. «В это время, – говорил Виктор Иванович, – Сербия под влиянием враждебных элементов, ослабляющих государственное единство, теряя едва достигнутое политическое значение, выдерживала натиск более и более усиливающихся османов и находилась в замечательных отношениях к другим народам, преимущественно к Византии и Венгрии»⁶. Глубоко вникая в смысл исторических событий, ученый пытается разгадать причины разрушения самостоятельности Сербии, анализируя при этом взаимоотношения с соседними державами.

Григорович приходит к выводу, что в XIV веке, в эпоху появления османов в Европе, три начала направляли жизнь народов,

находившихся в непосредственных отношениях между собою.

Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и неясно сознаваемой потребности охранять свою народность, Византия – на политике, вытекающей из отвлеченной теории о римском владычестве, – «феодализм торжествовал там, где нарушалась связь народного общения».

Ученый указывает на основной элемент славянской государственности – народное самосознание. «Славяне, выдержав неоднократные удары явных врагов, в стремлении создать самодержавные государства, опираясь на собственное могущество, – замечает Виктор Иванович, – были только крепки народным единством, сильные духовною самостоятельностью»⁷. Вместе с тем историк выделяет чуждые начала, которые враждебно действовали на сербов: «Но своебытная, юная силами жизнь славян, едва успевавших ограждать государственную целостность от явных врагов, заранее поражаема была примесью чуждых начал, пагубно действовавших в грозную минуту вторжения османов»⁸.

В работе Григоровича некоторые черты византизма определены весьма тонко и свидетельствуют о глубоком знании предмета. Такова мысль, что в византизме недостает идеи народности, которая сыграла бы роль объединителя, что, по мнению автора, связано с нечетким определением понятия «эллинизм» и «византизм» в этой большой этнической пестроте, которая существовала в Византии. «Обессилив коренной греческий народ, она отвлеченному понятию о римляне придавала значение преимущества, служившего к разобщению, а не к соединению ее обитателей... Византийцы не жили общею жизнью, не волновались общим чувством, но, образуясь как софисты, копировали с древних участие к гражданским доблестям, а в сущности исполнены были отвлеченной премудрости... Среди опасностей, угрожавших целостности отечества, византийцы не раз изменяли его пользам, вверяя чужим защиту его и забывая, что сила государства лежит в сочувствии собственного народа»⁹. Отсутствие народности – главная черта Византии в эпоху водворения османов.

В продолжение своей речи Григорович останавливается на вопросах, связанных с

роковой борьбой Сербии с османами, которые, после победы в Малой Азии над греческими городами, при поддержке самих византийцев участвовали в их внутренней политике, укрепляя это еще и родственными союзами императоров византийских с османами, тем самым открывая простор непрерывным их вмешательствам в византийскую жизнь. На этой почве османы, укрепившись в Малой Азии, впервые, с разрешения императора, начали селиться в Европе, превращаясь из союзников в повелителей: «Османь, убедившись, что могут не только грабить, но и господствовать, мало по малу из союзников становились повелителями»¹⁰.

Когда же в 1357 году Калиполь был взят Сулейманом, а в 1361 году османь во главе с султаном Муратом овладели Адрианополем, встревоженный император начал искать помощи у других народов.

С этого времени, подчеркивал Виктор Иванович, начинается ряд событий, в которые постепенно вовлечены были все народы, окружавшие Византию.

Современники Григоровича отмечали, что в названной речи богато историческим пониманием и суждение о политических партиях в Византии. Колебания, наблюдаемые в византийской политике, постоянная угроза и обман со стороны османов привели к необходимости образования среди византийских правящих сословий трех политических партий.

В партию тюркофилов вошло большинство феодалов. Странники этой партии, которую В. Григорович считал предательницей, стремились и надеялись на прочный мир и защиту османов. Вместе с тем тюркофилы не верили в прочность своего отечества, что было «зловещим знаком несчастных отношений Сербии к Византии». «Тюркофилы ласкали себя надеждою, – говорил историк, – наслаждаться прочным миром под защиту османов и, равнодушно взирая на отчуждение городов и областей, убеждены были, что личные, самолюбивые их интересы не пострадают, изменится только название защитников»¹¹.

Странники сопротивления османам составили две партии – славянскую и латинскую. Славянская партия, куда вошли представители городских слоев и духовенства, своими помыслами и действиями вызывала

симпатию у Виктора Ивановича, хотя он и считал ее недостаточно активной.

Латинская партия была странницей церковной унии, утверждая, что славяне в силу своей слабости и бедности не смогут защитить себя от турок, тем самым стремилась сблизить Византию с Европой. В. Григорович говорил об этой партии с явным осуждением в недалекой будущем: «Увлеченные космополитизмом, они усиливались сблизить Византию с латинскою Европою в гражданском и духовном отношениях и, обличая вражду свою к славянам, утверждали, что славяне рады пользоваться бедствиями Византии, ненавидят ее и скорее решатся сами терять, лишь бы она страдала...»¹²

В отдельной части своей речи Григорович полностью раскрыл исход первых попыток византийской политики, направленной против османов. Император Иоанн Палеолог, проводя весьма непоследовательную политику, решил воспользоваться советами всех трех партий. Под влиянием славянской партии, с помощью духовенства, он скрепил союз с Сербией в совместных действиях против османов. Следующим шагом императора было совершенно откровенное предательство. В силу того что его не поддержала латинская партия и государства Запада, Иоанн Палеолог предает сербов, заключает союз с султаном и ведет переговоры с османь о неприкосновенности остальных византийских областей. Все это закончилось тем, что император решил «предаться партии тюркофилов». «Торжество тюркофилов на этом недоверии, – говорил Григорович, – нанесло гибельный удар Сербии, союзу которой Византия постыдно изменила»¹³.

Автор подробно описывает взаимоотношения императора с тюркофилами, их союз и поражение сербов на берегах Марицы близ Адрианополя. Император Иоанн Палеолог, руководимый тюркофилами, сдружился с Муратом, который теперь встретил сербов как врагов Византии. Османь, став мнимыми защитниками Византии, – отмечал Виктор Иванович, – начали воевать с Болгарией и Сербией, отторгая области, присоединенные славянами, от греков, и заставили южных и западных властелинов, некогда подвластных царю сербскому, признать их владычество.

Следует отметить, что первые решительные войны османов с сербьами характери-

зуются двусмысленной политикой: как бы защищались интересы Византии в деле возвращения ей прежних областей. Поверив османам, император «еще более предался их власти», лично присутствовал при взятии отдельных городов, принадлежавших Сербии. В сражениях Сербия потеряла князей своих, после гибели которых подчинилась самодержавной власти нового князя – «потомка королевской крови» Лазаря. Григорович называет его «хранителем независимой» Сербии. Несмотря на отторжение многих земель, область Сербии еще занимала большую территорию. В ее владение входила Сербия, Герцоговина, Черногория и часть Македонии. Ученый упомянул два весьма важных явления византийского мира: признание императором не только союза, но и защиты султанов и происки знатных византийцев, стремившихся приобрести «значение на счет общего отечества». Все это повторилось и в Сербии.

В продолжение семнадцати лет Сербия становится жертвой подобных пагубных усилий, и ее спасает «лишь незнание Византии народное общение», которое сдерживало своеволие властелинов. Когда османы наконец решились растерзать целостность Сербии, то, встреченные дружным отпором, только изменой и получили победу. «Не в народе таилась эта измена, – подчеркивает историк, – но в сердцах властелинов, буйную мысль которых увлекали пример Византии и подражание феодалам». Григорович высоко оценивал героическую многолетнюю борьбу сербского народа за свою независимость. Он считал, что битва на Косовом поле имела всемирно-историческое значение. «Победа османов, – говорил Виктор Иванович, – не лишила славы народа сербского. Вечного помина достоин Косовский бой 1389 года, как выражение народной борьбы за целостность государства против ислама и его союзников. Этот бой единственное явление того времени, в которое действовали только наемные полчища и кичливые феодалы; ибо он на деле доказывал не защиту личных интересов, но охрану достояния народа»¹⁴.

А. Котляревский писал, что в этой актовой речи Григоровича выражена совершенно оригинальная идея: вопреки бытовавшему в то время мнению, что Косовская битва – «случайность и результат властолю-

бия и завоевательных стремлений турок», Виктор Иванович отмечал, что завоевание Сербии турками было только продолжением старой византийской политики Константинопольского двора.

В Косовской битве погибли султан Мурат и князь сербов Лазарь.

Ссылаясь на источники XV века об этой битве, Григорович утверждал, что уже тогда была о Косовской битве перешла у сербов в область поэзии, где турок называли «вероломным народом», который «не воюет без обмана».

Преемник Мурата, Баязет, с помощью измены преодолел сербов, сохранив целостность Сербии. Он женился на дочери Мурата и признал его сына Стефана самодержцем. Баязет потребовал от Стефана содействовать ему в походах, подчиняться его политике, что продолжалось одиннадцать лет (до 1402 года).

Победы Баязета, торжество его во всех областях Византии не могли не тревожить Европу, заставляя ее думать о собственной безопасности, о чем подробно в своем выступлении рассказывал Виктор Иванович. Он также остановился на деятельности венгерского короля Сигизмунда, его положительном отношении к императору Мануилу, воцарившемуся в Византии против воли Баязета, не нашедшего в нем послушного вассала.

Виктор Иванович упоминает о последних событиях, ознаменовавших царствование султана Баязета. Встревоженная подвигами Баязета, Европа противопоставила османам ополчение феодалов, Византия – нашествие монголов. Поразив под Никополем феодальные дружины в 1396 году, Баязет, грозя Византии, встретил грозного соперника – Тамерлана. Османы были разбиты близ Анкары (1402). С поражением османов судьба славян не изменилась к лучшему. Григорович отмечал, что политика Византии не способствовала этому. «Период от 1402 по 1423 год, – говорил ученый, – обилует замечательными явлениями, доказавшими очевидно, что не спасение народов было целью тогдашней политики и что самолюбивые притязания, погубив лучшие силы, способствовали только восстановлению могущества османов»¹⁵. Освобождение славян, восстановление их независимости и изгнание турок из Европы не входило в

интересы как европейских правителей, так и Византии: «Возможно ли, чтобы феодальная Европа, открывшая простор насилию вассалов, снисходила к потребностям угнетенных народов? Мысль об изгнании, следовательно, османов из Европы в XV столетии должна была уступить замыслам превратить османов в послушное орудие угнетения других народов»¹⁶.

Со временем, расширив область своих завоеваний до Пешта и Вены, османы «лишили Сербию политического существования». Однако не могли отнять у народа его великого достояния – языка и веры. Важно было, по мнению Григоровича, сохранение церковной самостоятельности. Сербский патриарх имел некоторые права как защитник своего народа, который, охраняемый церковью, всегда испытывал возвышенные чувства веротерпимости и «предпочтения законной гражданственности» перед фанатизмом варваров. Ученый говорит о том, что в силу веротерпимости сербский народ «легко забыл поношения и укоризны», «турецкое насилие» и во имя христианской свободы «не колебался, последуя своему патриарху, вступить в кровавую борьбу с османами в пользу тех, которые готовили ему презрение. Вот почему, несмотря на политическое уничтожение свое, Сербия... для беспристрастного повествователя борьбы с османами прошлых столетий не может быть вычеркнута из правдивых скрижалей истории»¹⁷.

Подводя итоги своей речи, Григорович говорил, что на долю Сербии выпал тяжкий жребий в отношении к соседним державам.

С усилением османов Сербия становится союзницей Византии. Защищая пределы свои, Сербия вошла в мировую историю как пример народной борьбы. Поражение сербов, несчастливый исход был следствием измены, внушенной влиянием Византии и феодализма. Подчиненная османам, Сербия не теряет своей автономии, пользуется собственным управлением, сохраняет неприкосновенность народных прав. Вместе с тем «подчинившись покровительству соседней державы, вступив на поприще общего тогда движения идей, она делается жертвою распрей османов и Венгрии и после неслыханных разорений исчезает во всеобщем потоке завоеваний султанов»¹⁸.

Виктор Иванович отмечает определяющую роль России в дальнейшей судьбе Сербии. В XIX в. при содействии России Сербия после продолжительной борьбы, вопреки недоброжелательности соседей, «возникает с именем княжества, с правами, обеспечивающими внутреннее ее управление. И южным славянам памятен будет 1812 год, когда самодержавные поборники прав России, опасаясь за равновесие европейских народностей, потребовали также ручательств за существование Сербии»¹⁹.

Далее, Григорович произнес историческую фразу о взаимности славян, где главным условием развития были нравственные преобразования. «Взаимность, соединенная с уважением к чужим народностям, – говорил Виктор Иванович, – заставляя преодолевать предрассудки, отчуждающие племя от племени, внушает также нравственное участие, возвышающее народное достоинство, спасающее слабых от отступничества, от перебега в чужие ряды. Взаимность, поддерживая состязание на поприще развития, в успехе каждого племени полагая успехи целого поколения, может нас сделать достойными соперниками просвещенных народов, которые также дорожат судьбою своих племен на каждом месте и при различных условиях их жизни»²⁰.

Проблема славянской истории в связи с Византией прочно вошла в жизнь Григоровича. Он четко занял видное место среди исследователей русской славистики 40–70-х годов XIX в. – времени славянского Возрождения. Наряду с Сербией, Виктор Иванович стал одним из первых исследователей Болгарии этого времени. В 1866 году он выступил на торжественном собрании Императорского Новороссийского университета с речью под названием «Как выразались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X-го столетия».

В продолжение темы славяно-византийских отношений в названной речи Григорович уделяет внимание средневековой Болгарии и ее связям с Византией. Глубокое знание источников и литературы позволило ученому изложить основательную, документально обоснованную историю взаимосвязей империи с древними славянами. К его впоследствии опубликованной речи

прилагались четыре письма патриарха Николая Мистика к Симеону, князю болгарскому. В этих письмах заключается богатый материал об отношении Болгарии и Византии. Современник Григоровича пишет, что «из славистов первый обратил внимание на это историк профессор В.И. Григорович в известном своем исследовании об отношениях Константинопольской Церкви к окрестным народам, к которому... он приложил четыре из упомянутых тридцати посланий Патриарха Николая, с русским переводом»²¹. Работы В. Григоровича, открывающие страницы славяно-византийских отношений, и в 60-е годы XIX века продолжались как открытия не только в русской, но и в мировой историографии.

В начале своей речи Виктор Иванович говорил о современных требованиях исторической науки в изучении земель, окрестных Черному морю, о славянских поселениях, роли Константинопольской церкви как просветительского центра. Главной задачей речи Григоровича было показать, как выражались отношения Константинополя к окрестным народам, особенно «в высшем духовном смысле».

Болгаро-византийские отношения Григорович рассматривал с разных сторон. Прежде всего его интересовал период борьбы Византии и Болгарии в X в., приведшей к ликвидации самостоятельности Болгарии.

1018–1186 гг. – время, когда Болгарское государство было завоевано Византийской империей и развитие страны происходило в условиях иноземного господства. До завоевания Болгарского государства (1018) Василием II Болгаробойцем оно насчитывало около трех с половиной веков независимого существования. «Причем, – пишет современный историк Г.Г. Литаврин, – более полутора столетий это государство было христианской средневековой державой с развитой структурой центрального и провинциального управления, с основанным на письменном законе судопроизводством, со значительными городскими центрами (Преслав, Доростол, Видин, Средец, Охрид, Скопье, Преска и др.), с разветвленной налоговой системой, организованным войском, налаженной обороной границ, четко зафиксированных в международных договорах»²².

Описывая многолетнюю борьбу Болгарии с Византией, Григорович обоснованно

заявил, что главной причиной борьбы – «этой несчастной распри» – было «различие бытового настроения».

Автор, по-видимому, по-своему выражает различие в уровне как экономического, так и политического развития этих стран, их общественных систем в целом.

Григорович последовательно рассматривает основные этапы борьбы Болгарии с Византией. Но прежде всего, справедливости ради, ученый решает рассказать в своей речи об уровне развития этих стран. «Изобразю сперва, – писал Виктор Иванович, – в нескольких возможно правдивых чертах понимание свое того, что была Византия и что были Славяне в начале X столетия»²³.

Используя многочисленные источники, Григорович характеризует Византию той эпохи. Среди источников – переписка Фотия, письма Николая Мистика, сочинения Константина Багрянородного, Никифора Философа, летописи Михаила Атталиота, многочисленные хрисовулы и новеллы византийских императоров, знаменитые новеллы Романа Лакапина²⁴. В стремлении к правде истории Григорович особенно доверял новеллам. «Известно, – писал ученый, – что кроме общих уставов, не имевших чисто законодательной силы, Византийская юриспруденция обильно новеллами, т.е. указами, вызванными настоятельными и существенными потребностями. Они-то нередко изображают общество как оно было, но не как оно украшалось риторикою»²⁵. При изучении отношений Византии к славянам использование новелл, по мнению Виктора Ивановича, было необходимым. В своей работе он использовал новеллу, изданную в 923 году императором Романом Лакапиным. В содержании новеллы Григорович находил «пояснение внутренних причин как борьбы Болгар с Византией, так и вообще всех поводов к тому, почему народы славянские так неохотно покорялись ее владычеству»²⁶.

Досконально изучив новеллу 923 года, Григорович подчеркивал: «Этот примечательный акт X столетия доказывает, что тогда интерес частный преобладал над общественным и что в гражданском быте владычество подавляло независимый труд»²⁷.

Автор останавливает свое внимание на источниках, характеризующих те процессы

развития крупного землевладения, которые приводили к обнищанию крестьян, потере ими не только земли, но и личной свободы преобладала монополия собственностью на землю, земля принадлежала динамам, ростовщикам и разным скупщикам земельных владений. Григорович называет их «капиталистами»: «Издавна уже во всех областях Византийской Империи обнаружилось усиление богатого сословия поработить бедное. Поземельная собственность мало по малу переходила в руки капиталистов, приобретающих ее по самым низким ценам. Обедневшее свободное сословие поступало таким образом к капиталистам в кабалу»²⁸. Вследствие всех этих злоупотреблений происходило обнищание крестьянства, что отражалось и на городе.

Григорович приводит свидетельства историка XI в. о том, что говорили византийцы о существующей власти того времени. «Властодержцы византийские... под предлогом народной пользы совершали богопротивные и беззаконные дела»²⁹. Законодательство соответствовало «нуждам администрации». Практического кодекса не было. «С ослаблением уважения к независимому труду, – писал Григорович, – с усилением корыстолюбия в администрации разнообразилась утонченность торговых спекуляций. Сосредоточив эти спекуляции в Византийской столице, администрация лишь о том помышляла, чтобы приносить в жертву этому горнилу роскоши и просвещения все жизненные силы государства. Международные отношения измерялись только видами такой монополии, и потому нередко в летописях можно встретить признания самого жестокого равнодушия к соседним народам»³⁰.

В международных отношениях традиционной политикой Византии было стремление к «всемирному владению». «Одна мысль, мысль, что нет народа, который не подклонил бы» волю свою под византийское иго, «была постоянным преданием Византии, неразборчивой в средствах самосохранения»³¹.

Мерилом внешней политики Византии, подчеркивает Григорович, были корыстолюбие и затаенная зависть. «Вот почему подобный строй Византийского владычества вселял в народ вражду даже тогда, когда она готова была погаснуть, когда, казалось, должен был возникнуть душевный союз»³².

Подводя итоги характеристики внутренней и внешней политики Византии, Григорович писал, что в жизни византийцев X века преобладали интересы торговой колонии, где государство всеми средствами поддерживало материальные выгоды одного центра и одного класса, преимущественно богатых людей. Здесь презиралось земство, поощрялась спекуляция так называемых капиталистов, владеющих поземельной собственностью. Что касается администрации, то она «приняла характер самоуправления». Подавляя «областную свободу», процветала централизация. Обрекая собственные области на бесправное подчинение администрации, послушной центру, – писал Виктор Иванович, – византийская политика с «затаенным презрением» относилась к окружающим народам. Ученый предполагал, что Византия в то время дорожила «не степенью просвещения» этих народов, но степенью их враждебности друг другу.

Касаясь в упомянутой речи славян, Григорович утверждал, что византийское владычество вселяло в славянский народ, который долгое время находился под гнетом, вражду. Однако славянские племена одолевали своих угнетателей и «достигали некоторого значения», сохраняя свое общее «родовое отличие».

Григорович справедливо подчеркивал, что главной отличительной чертой славян являлась следующая: доказывая готовность к обороне, защищая свою свободу, они не умели лишать ее других. Их твердая оседлость была опорой их быта. Развитое сознание общины, убеждение в нераздельности земли были одними из важных условий в одолении вторгавшихся «пришельцев». Тем самым рождалось понятие равноправности, мировые сходки и веча были характерной чертой славян, как и признание общей и частной собственности. Великодушно и с высказыванием всяческих симпатий профессор отмечает: «Наконец и то необходимо заметить, что Славяне, исключая понятие рабства в своем быте, не исключали иноплеменников, какой бы расы они не были, из общечеловеческого права, т.е. признавали за ними свободу и равноправие»³³.

В. Григорович отмечает еще одну черту славян: когда в Византийской империи народная жизнь замирала, славяне «представляли собою коренные начала самоуп-

равления, основанного на нераздельности поземельной собственности и на общинном союзе»³⁴.

В начале X в. на подобной степени развития находились те славяне, «общая власть над которыми сосредоточилась в династии болгарских князей».

По поводу отношения Византии с болгарскими древние историки писали, что покорение болгарских земель было жизненной необходимостью империи, так как Царьгород встречал в болгарях препятствие к обогащению, увеличению доходов.

Характеризуя Болгарию IX–X вв., профессор видел в ней, и не без основания, сильное славянское государство, откуда исходил луч просвещения народов, тем самым ее роль в международной жизни начала X века трудно переоценить. Долгое время в историографии бытовало мнение, рожденное в среде славянофилов, что «идея государственности чужда для славян, что она вносится славянам только извне». Григорович полагал, что прочность болгарской державы выросла из славянского быта, что болгарское государство выросло из вековой жизни южных славян, возникло исторически³⁵.

Григорович находил, и это справедливо, что славянская колонизация Балканского полуострова сыграла всемирно-историческую роль. Славянские племена внесли свою лепту в экономическое, хозяйственное развитие Византии, изменили ее общественный и государственный строй, защищали от кочевников, которые «под влиянием славянской жизни вскоре сливались со славянами, славянизировались»³⁶.

Говоря о племенах славянских, ученый отмечал: «Долго они могли сохранять лишь свое общее родовое отличие. Выдержав натиск всех устремившихся на Римскую империю народов от Гунов до Угров, хотя и разделялись на отдельные племена, они выказали особенную энергию в столкновениях своих с громадными народами. Эти последние, часто одолев рассеянные племена Славянские, уступали им, теряли сознание своей народности, как только наставало время сдерживать подвижную, хищническую жизнь»³⁷.

Славяне ассимилировали не только протоболгар, но и кочевые племена, которые привлекались в сферу славянского строя. Бытовые условия были первой ступенью их

преобразования, но их нельзя объяснить родовыми признаками. «Если родовой быт держался только кровной связью, то кочующим народам нечего было сближаться со Славянами. Естественные узлы соединяли также крепко и племена номадов. Чем же объяснить то явление, что номады привлекались бытом славян, но не наоборот? Конечно, твердая оседлость славян, противопоставляя их бродячим народам как коренных обитателей, была опорой их быта, но без других еще условий своей жизни они едва ли одолели бы сильных всегда пришельцев. Нельзя, следовательно, не признать, что такими условиями были развитое сознание общины и крепкое убеждение в нераздельности земли»³⁸.

Сознание общины, общинного строя, приводившее к стабильности славян, существовало и тогда, когда в Византийской империи «народная жизнь замирала». Славяне же постоянно представляли коренные начала самоуправления, основанного на общинном союзе, славянском быте. «В начале X столетия, – писал Григорович, – на такой степени развития стояли те Славяне, общая власть над которыми сосредоточилась в династии Болгарских князей. Сила этих князей, совершавших сближение двух разнородных племен, победителей с побежденными, лежала в бытовых началах Славян, и в то время, когда возникла знаменитая борьба Греков с Болгарами, казалось, они призваны были противопоставить их Византийской централизации, казалось, что в этой борьбе столкнулись два начала жизни народов, выражаемые своеобразным, своенародным строем и отвлеченным, величавым Византийским чином»³⁹.

Славяне дорожили своей свободой, нераздельностью земли, тем самым они противостояли Византии, со временем утратившей «истинное земство». По Григоровичу, «земство» – территориальная община славян, славянский общинный строй. Однако в X веке князья болгарские нарушили общинную связь, раздавая области боярам, и тем самым положили основание мелким феодальным федерациям «в которых иссякала жизнь Славянская».

Таким образом, земское устройство «удерживаясь в Болгарии только в низших слоях народа, не ладилось с произволом, который более и более преобладал по мере того, как в борьбе с Византией мысль не о

народе, а о Византии стала искушать величавые помыслы Болгарских князей»⁴⁰. Князь не раз губили лучшие задатки славянской самостоятельности и «поощряли себялюбивое высокомерие Византийское».

Григорович отдает должное славянскому богослужению «лучи которого зажгли светоч просвещения целому Славянскому поколению». Болгария в конце IX века была приютом для разных славянских народов, тем самым являясь «поприщем трудно осуществимой Славянской взаимности». Знаменем этой взаимности, писал ученый, было тогда славянское богослужение, способствовавшее развитию народного образования среди славян.

Во второй части своей речи «Как выражались отношения Константинопольской Церкви к окрестным северным народам и преимущественно к Болгарам в начале X столетия?» Григорович несколько повторяется. Ученый подчеркивает, что призвание упрочить просвещение в X в. осталось за Константинопольской церковью, которая «осуществила возвышенную задачу внести вместе с Христианством идею государственного единства, охранить земство и доставить торжество над чужеплеменниками»⁴¹.

Григорович вновь показывает особенности быта двух соперничавших народов. В жизни византийцев X века он видит преобладание интересов торговой колонии, презрение земства. Администрация характеризовалась самоуправством, расцвет централизации подавлял свободу. «Обрекая собственные области на бесправное подчинение администрации, послушной центру, Византийская политика с заганенным презрением относилась к окружавшим ее народам. По-видимому, она дорожила не степенью просвещения, но степенью их враждебности друг к другу»⁴².

Что касается славян, то они дорожили своей свободой и нераздельностью земли, т.е. сохранением земства. Такое начало было потеряно Византией «в ее отвлеченных заботах воссоздать неуместную Римскую империю». Очевидно, в X в. византийцы все еще стремились территориально воссоздать Римскую империю, греки «тщетно маскировали себя римлянами». «Доставив, однако ж, своей земле государственное значение, представляя собою одну общую власть над Славянами в Болгарском государстве, князь Болгарские устремились к завоеваниям,

характер которых скоро перестал быть народным и превратился в политическое соперничество»⁴³. Их манил Константинополь, а между тем влияние Византии сказывалось, «византинизм вселялся в их стан», в силу чего князья болгарские равнодушно относились к своему народу и не берегли его от этого влияния. Вот почему славянская народность в Болгарии искажалась «накипью чужих стихий»⁴⁴.

О Константинопольской церкви Григорович говорил как о средоточии «мужей, чуждых политических расчетов», глубоко чувствующих настоящее и видящих будущее, благотворно направляющих духовную жизнь к высшим целям. В эпоху распрей, глубоко верны идее христианства, они стремились к установлению мирных отношений между борющимися народами. Ссылаясь на древние источники, ученый указывал, что Константинопольский патриарх Николай тяготел к преобразованиям путем закона, о чем свидетельствуют ряд посланий патриарха к повелителям Болгарии. В этих посланиях Николай вспоминает об обращении болгар в христианство, об условиях братского союза, высказывает уважение к болгарской церкви и существующей власти, тем самым проявляя свое человеколюбие, возвышенные помыслы, заботу о благе народа.

В начале X в. политика византийцев порождала вражду северных народов друг против друга в целях собственной безопасности. Константинопольская церковь выражала протест против такой политики. Патриарх обличал коварство этой политики. Он извещал о замыслах византийцев призвать на болгар другие народы. Григорович цитирует обращение патриарха к болгарскому повелителю: «Склонись к благу, склонись к спасению и не предпочитай распри, разлива крови всему тому, что может возникнуть от мира между греками и болгарями»⁴⁵.

Вместе с тем ученый подчеркивал, что X в. остается темным для истории всех европейских народов, и памятник, который он цитирует, свидетельствует о том, какое возвышенное место занимала Константинопольская церковь в международных отношениях своим истинно христианским миролюбием: «В годину бедствий беспристрастие ее возвышалось над пристрастной кичливостью, соблюдая достоинство как своего, так и враждебного народа»⁴⁶.

Основываясь на приведенных исторических документах, Григорович утверждал, что Константинопольская церковь, возвышаясь над монополией, над различными разъединяющими интересами сословными, народными и государственными, вводила племена в семью просвещенных народов, поставив исходной точкой христианское просвещение.

Подчеркивая значение Константинопольской церкви в призвании к миру, просвещению, Григорович, однако, отмечал, что ее голос о взаимном преобразовании «терялся в пустыне народных волнений». Лишь на дальнем севере, на русской земле, писал ученый, исполнилась задача церкви, оправдалось ее мировое призвание воспитать в племенах сознание взаимности, возросшей до народного единства.

Автор склоняется к тому, что пагубные начала Византии, стремление к всемирному господству подтачивали ее могущество, служили образцом для жизни многих народов, которые «в слепом подражании византийскому чину... обличали высокомерный эгоизм и готовность к сепаратизму». Особенно этим отличалась Болгария. «Всякий раз, как удается поднять завесу ее темной истории, с ужасом встречаешь рабское подражание всему, что величалось в Византийском мире. Ее самостоятельность не спасена была и так называемой независимостью церкви... Эта церковь безмолвно покорялась произволу сильных властелинов»⁴⁷.

На скудных страницах истории Болгарии во времена Григоровича показывалось большое влияние Византии, перед которым Болгарская церковь была бессильна. В Болгарии, по мнению историописцев, создавалось нечто подобное византийскому царству.

Подводя итог своей речи, Григорович подчеркивает значение изучения исторического прошлого. Что касается Константинопольской церкви, то в деле народности и народного просвещения, – говорил ученый, – церковь изрекла уже в X столетии ту мысль, которая, разумно приложенная к жизни, может более содействовать разрешению недоразумений, чем «мирские» теории, «внушенные политикою». В доказательство справедливости этого положения Григорович приводит одно из писем патриарха Николая Мистика: «Каждому народу Провидение даровало свое место, свое зва-

ние, свою честь, и каждый народ обязан не пренебрегать, но сознать свое назначение»⁴⁸. В этих глаголах, – говорил профессор, – церковь X столетия передала XIX столетию завет, достойный соблюдения.

В рассмотренной работе ученый показал значение византийских источников для истории славян. То же можно видеть и в других трудах В. Григоровича. Славяно-византийская тема нашла свое продолжение и в работе под названием «На память о Борисе-Михаиле, праотце славянского просвещения». Здесь ученый анализирует роль Византии в принятии христианства болгарскими, а также отношение империи к Риму.

Снова ученый выступает с речью, которая со временем издается в его трудах, в торжественном зале университета по случаю учреждения болгарского экзархата, когда большая часть болгарского народа получила полную церковную независимость (28 февраля 1870 г.). Одесские болгары выступили с инициативой отметить это историческое событие чествованием памяти болгарского князя Бориса, при котором тысячу лет назад болгары приняли христианство.

Григорович начал свою речь с красивых слов в честь князя Бориса-Михаила: «Он есть праотец славянского просвещения... Могущественный вождь славяно-болгарского народа, первозванный в своем народе христианин, смиренный ученик первоучителей Кирилла и Мефодия – князь Борис-Михаил просиял ныне сквозь мрак веков лучезарным светом, проникающим в душу всякого славянина»⁴⁹.

Князь Борис-Михаил первый среди болгарских владык «просветился христианским учением», приняв православную веру. Из истории известно, что обращение в христианство болгар сопровождалось резким обострением отношений Рима и Византии. Борис-Михаил как болгарский владыка глубоко понимал, что здесь необходимо искать мудрое решение, поспешность была излишней. Римско-византийские распри могли очень тяжело отразиться на существовании самой Болгарии. Помощь в решении этого сложного вопроса оказало послание к болгарскому царю Константинопольского патриарха IX в. Фотия, который «поощрял его к самостоятельности, подобающей его державе». В. Григорович считал, что это послание – «одно из великолепных творений

гениального Фотия – не есть только красно-речивое, но ученое наставление: оно есть акт величайшего исторического значения... Судя по смыслу подвигов самого Бориса, Фотий, наставляя царя болгарского в православии, сознательно признавал в нем высокое призвание»⁵⁰.

Ссылаясь на послание Фотия, Григорович утверждал, что патриарх наставлял князя на самостоятельность, доверие к подданным, на законность, правосудие, твердость, признание общественного мнения, единодушие подданных и их благополучие. Завершая свое послание, Фотий выразил желание, дабы Борис был готов к великим подвигам, доблестно охранял свое достоинство, стремясь быть не только образцом для своего народа, но и назиданием «роду человеческому».

Послание Фотия сыграло в жизни Бориса-Михаила огромную роль. Уже после низложения Фотия, когда решался главный вопрос IX в. – должны ли остаться земли Иллирика, завоеванные болгарами, в духовной зависимости то ли от Рима, или Византии, – и проявилось достоинство князя болгарского. Вот что об этом говорил Виктор Иванович: «... В 870 г. совершилось громадное событие, доказавшее, что мысль Бориса-Михаила созрела среди споров Рима и Византии, что он осознал свое призвание. Когда на соборе в Константинополе легаты папские и апокрисарии византийские, в присутствии посланников болгарских, препирались о том, римские или византийские будут духовные дети Иллирика... тогда из глубины Болгарии пронесся в ответ всенародный голос – не римские и не византийские, но славянские»⁵¹.

Роковое слово Бориса-Михаила, основанное на отстаивании своей доблести и самостоятельности, было произнесено: славянская православная церковь, славянское богослужение. Тем и ознаменовался 870 год. Борис-Михаил завещал это заветное слово грядущим векам, осуществляя самую важную задачу в истории просвещения. Славянское богослужение упрочилось в Болгарии. Вместе с тем ширилось просвещение: возникали школы, процветала грамотность и славянская литература. Жизнь Бориса-Михаила, его значение в истории просвещения славян признавались Григоровичем «общим славянским достоянием» на все века. «Народ болгарский, – говорил профес-

сор, – потерпел много поражений, но всегда оставался верным этой, двигавшей его, идее. И в XIX ст. он выражает одну мысль народности, основанной на славянском богослужении»⁵².

В работе Григоровича рассматривается жизнь и деятельность болгарского князя Бориса-Михаила. Говорится о Болгарии конца X–XII в., когда она находилась «под гнетом Византии», и XII–XIV вв., когда вновь образованное болгарское государство было «глубоко пораженное византийской цивилизацией». В то и другое время, вплоть до XIX в., мысль о славянском богослужении не переставала быть путеводной звездой, зажженной первозванным болгарским князем, праотцом славянского просвещения.

В сборнике работ Григоровича изобилуют его речи в Новороссийском университете, посвященные различным знаменитым датам. В продолжение повествования о Болгарии можно отнести и его речь 14 февраля 1869 года по случаю 1000-летия кончины св. Кирилла. Григорович считал, что подвиги, совершенные Кириллом и Мефодием, на то время не были достаточно изучены. Эти мужи, утверждает Виктор Иванович, были современниками важных исторических событий. IX век после Р.Х. – время обильное в разнообразии народных отношений, когда шла борьба за господство религий: восточная и западная империи оспаривали свое господство в христианстве, ислам пытался влиять на язычество, народы, исповедующие его. В связи с такими политическими условиями на севере Европы возникла потребность в единении народов. Что касается Болгарии, то, проникаясь христианством и славянством, страна мужала.

Виктор Иванович отмечал, что в ситуации, когда возросли притязания римлян и натиск ислама, важнейшей задачей стало возрождение «зиждательной» силы просвещения. И эту задачу могли выполнить только славяне.

Григорович кратко останавливается на главных событиях жизни Кирилла и Мефодия. Основным же в его речи была оценка деятельности братьев как просветителей, которую ученый считал подвигом.

IX столетие отличается редкими историческими событиями, которые в значительной степени были связаны с деятельностью славянских первоучителей, – распри между

Римом и Константинополем, враждующие немецкие и славянские народности – с одной стороны; просвещение Болгарии и Моравии, усиление славянской письменности, возникновение славянского богослужения, начало славянской самостоятельности – с другой, и в череде этих событий огромная роль примирителей принадлежала наставникам Кириллу и Мефодию. «Поэтому-то и ныне в XIX столетии, – говорил Виктор Иванович, – когда славянские народы сознают потребность дружного содействия в деле самостоятельного просвещения, подвиги святых апостолов наших привлекают пытливого каждого, вникающего в значение эпохи»⁵³.

Обращаясь к потомкам, Григорович ставит перед ними задачи, рожденные «дивными подвигами» первопросветителей. Они относятся к области вероучения, археологии и филологии.

В IX веке, подчеркивает ученый, одно событие навсегда ознаменовало влияние Византии на окружавшие ее народы. Событие это – протест православной церкви против «бесконтрольного властолюбия папства».

Обращаясь к памяти первопросветителей, Григорович утверждал, что они не могли изменить учению, внушенному православной церковью. Как уже отмечалось, известна их примирительная деятельность, когда речь шла об уважении к чужим религиозным убеждениям. Ученый призывал к восстановлению правдивой истории деятельности патриарха Фотия, считая его «гениальным мужем», озарившим своими помыслами IX столетие. Идея патриарха заключалась в «сдружении и примирении народов посредством христианского просвещения и воспитания их до возможной самостоятельности»⁵⁴. Опираясь на новые источники, Григорович утверждал, что, внедряя христианство, Фотий стремился упрочить мирные международные отношения.

Вторую задачу ученый назвал археологической, вместе с тем она касалась истории и географии, что было связано с необходимостью изучения тех мест, где в IX веке Кирилл и Мефодий совершали свое невероятное подвижничество, посещая Македонию, часть Малой Азии, херсонскую землю, Хазарию до Кавказских гор, Болгарию, Паннонию, Моравию, Италию. В означенных местах имелись неисследованные христианские древности. Ученый подчеркивал: «Нашим

единоплеменникам, болгарам, следовало бы прилежнее вперять взоры свои в своих древних храмах и монастырях на остатки древностей христианских»⁵⁵. Призывы историка на то время отвечали требованиям науки – славяноведения.

Те же задачи ставились и относительно продолжения изучения Новороссийского края, Бессарабии и Молдавии, где могли быть новые материалы, связанные с деятельностью Кирилла и Мефодия. Виктор Иванович уверенно указывал на раскопки близ Севастополя, которые в будущем непременно должны привести к открытию памятников «равно важных в истории христианства, как и в истории письменности... Раскрытие притом судьбы митрополий томитанской, херсонской, босфорской, сугдайской, фульсской и, наконец, вицинской, раскрытие, основанное на лапидарных памятниках, бросит, конечно, много света на возвышенную миссию св. св. Кирилла и Мефодия»⁵⁶. Христианскими памятниками был богат Крым.

Третья задача, которую Григорович ставил перед учеными, касалась филологии. «Нашим первоучителям мы обязаны самым дорогим залогом нашего исторического призвания – славянским богослужением и развитою вследствие сего обширною письменностью, – говорил профессор. – Эта письменность... отразила язык славянский, свойства которого справедливо пробуждают пытливого не только в среде славянской, но и в сфере индоевропейских вообще языков. С другой стороны памятники ее свидетельствуют о необыкновенно дружной деятельности славян на поприще христианского просвещения в IX и X столетиях. Разнообразие рукописей, постепенно усиливающееся по мере распространения письменности между славянами, наводит также на предположение о раннем образовании славянских наречий»⁵⁷.

Перед филологической наукой Григорович ставит задачу не только решить, какая письменность была изобретением святых апостолов, но и выяснить, «как глубоко постигали они организм древнего славянского языка и взаимную связь славянских наречий». Исследование древних памятников XI века, глагольских и кирилловских рукописей помогут раскрыть не только характерные черты письменности, но и подлинный характер языка.

В назидание молодому поколению профессор стремится подчеркнуть величие подвига славянских просветителей, неосценимость их вклада в древний славянский язык, в просвещение славянского племени.

Прошли века, и имя В.И. Григоровича было забыто. Виктора Ивановича высоко ценили его современники, посвящая ему свои труды, песни и былины. В былине Н.Ф. Маркова ученый назван «пахарем славянской науки». Мирный пахарь «великую книгу пи-

сал» об истории славянских народов. Он завещал грядущим поколениям умножить начатые им дела на ниве славяноведения.

В Елизаветграде, в этом центральном месте Новороссии, где жил последние годы В.И. Григорович, его ученики и почитатели открыли в 1892 году на его могиле памятник, чувствуя память великого ученого, глашатая научной правды и истины, внесшего большой вклад в историю славяноведения, славянской взаимности.

Памятник
Виктору Ивановичу
ГРИГОРОВИЧУ

¹ Григорович В.И. Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. – 1847. – Июнь. – С. 131.

² Там же. – С. 132.

³ Дуйчев И. Центры византийско славянского общения и сотрудничества // Труды Отдела древнерусской литературы XIX. Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур. – М.–Л., 1963. – С. 107.

⁴ Успенский Ф.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче... – С. 31.

⁵ Там же.

- ⁶ Григорович В.И. О Сербии и ее отношениях к северным державам, преимущественно в XIV и XV столетиях. – Казань, 1859. – С. 7.
- ⁷ Там же. – С. 8.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. – С. 9.
- ¹⁰ Там же. – С. 12.
- ¹¹ Там же. – С. 14.
- ¹² Там же. – С. 13.
- ¹³ Там же. – С. 15.
- ¹⁴ Там же. – С. 17.
- ¹⁵ Там же. – С. 20.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. – С. 31–32.
- ¹⁸ Там же. – С. 32–33.
- ¹⁹ Там же. – С. 34.
- ²⁰ Там же. – С. 34–35.
- ²¹ Дринов М.С. Южные славяне и Византия. – М., 1876. – С. 2.
- ²² Литаврин Г.Г. Византия и ее славяне. – Сб. ст. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 411.
- ²³ Григорович В.И. Как выражались отношения Константинопольской Церкви к окрестным северным народам и преимущественно к Болгарам в начале X столетия // Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864–1876). – Одесса, 1916. – С. 24.
- ²⁴ Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. – 1978. – С. 54–55.
- ²⁵ Григорович В.И. Как выражались отношения Константинопольской Церкви к окрестным северным народам и преимущественно к Болгарам в начале X столетия // Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864–1876). – Одесса, 1916. – С. 25–26.
- ²⁶ Там же. – С. 26.
- ²⁷ Там же. – С. 27.
- ²⁸ Там же. – С. 26–27.
- ²⁹ Там же. – С. 28.
- ³⁰ Там же. – С. 28–29.
- ³¹ Там же. – С. 24.
- ³² Там же. – С. 30.
- ³³ Там же. – С. 31.
- ³⁴ Там же. – С. 31.
- ³⁵ Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. – 1978. – С. 58.
- ³⁶ Там же. – С. 59.
- ³⁷ Григорович В.И. Как выражались отношения Константинопольской Церкви к окрестным северным народам и преимущественно к Болгарам в начале X столетия // Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864–1876). – Одесса, 1916. – С. 30.
- ³⁸ Там же. – С. 31.
- ³⁹ Там же. – С. 32–33.
- ⁴⁰ Там же. – С. 33.
- ⁴¹ Там же. – С. 35.
- ⁴² Там же. – С. 36.
- ⁴³ Там же. – С. 37.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. – С. 41.
- ⁴⁶ Там же. – С. 43.
- ⁴⁷ Там же. – С. 52.
- ⁴⁸ Там же. – С. 54.
- ⁴⁹ Там же. – С. 163.
- ⁵⁰ Там же. – С. 165.
- ⁵¹ Там же. – С. 167.
- ⁵² Там же. – С. 169.
- ⁵³ Там же. – С. 110.
- ⁵⁴ Там же. – С. 111.
- ⁵⁵ Там же. – С. 114.
- ⁵⁶ Там же. – С. 115.
- ⁵⁷ Там же. – С. 116.